

Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану

§ 1. Здесь начинается рассказ о вещах, виденных и слышанных мною, Иосафатом Барбаро, гражданином[338] Венеции, во время двух моих путешествий: одного в Тану и другого в Персию.

§ 2. Земля — как с величайшей ясностью доказывают геометры — настолько же мала по сравнению с небосводом, насколько мала точка, поставленная в середине окружности. К тому же, большая часть земли либо покрыта водой, либо неумеренна по климату из-за излишнего холода или жара, а поэтому обитаемая ее часть еще гораздо меньше. И все-таки слабость человека такова, что найдется лишь немного людей, которые видели бы хоть сколько-нибудь значительную часть земли, и, если не ошибаюсь, ни одного, кто видел бы ее всю целиком.

Из тех же, кто в наше время видел достаточную ее часть, большинство составляют купцы и люди, отдавшиеся мореплаванию. В обоих этих занятиях, искони и до сего дня, настолько отличались мои отцы и предки венецианцы, что, полагаю, можно поистине сказать: в этом им принадлежит первенство. Кроме того, теперь, когда Римская империя уже не властвует повсюду, как это было раньше, а разнообразие в языках, обычаях и религии раскололо земной мир, большая доля той малой части земли, которая обитаема, оставалась бы вовсе неведомой, если бы венецианская торговля и венецианское мореходство не открыли ее.

§ 3. К числу людей, которые в наши дни кое-что повидали, можно по справедливости отнести и меня, потому что всю пору моей молодости и добрую долю старости я провел в далеких краях, среди варварских племен, совершенно чуждых всякой цивилизации и нашим обычаям. Среди них я испытал и увидел множество вещей, которые, не будучи в ходу у нас, быть может покажутся выдумкой в глазах тех, кто, так сказать, вовек не выходил за пределы Венеции. Это собственно и было главной причиной, [137] почему я никогда не стремился описывать виденное и даже много говорить о нем. Но теперь, понуждаемый просьбами лица, имеющего власть приказывать мне, и убедившись, что вещи как будто еще более невероятные описаны у Плиния,[339] у Солина,[340] у Помпония Мелы,[341] у Страбона,[342] у Геродота,[343] у Диодора,[344] у Дионисия Галикарнасского,[345] затем у других, более новых авторов, таких, как Марко Поло,[346] Николай Конте,[347] оба наши венецианцы, или англичанин Иоанн де Вандавилла,[348] и, наконец, у современных нам писателей, каковы Пьеро Кверини,[349] Альвизе да Мосто[350] и Амброзио Контарини,[351] — я не могу не написать о том, что я видел. Я делаю это во славу господина бога, который спас меня от бесконечных опасностей; для удовлетворения того, кто заставил меня писать; на пользу, в какой-то мере, людям, которые поедут после нас, особенно если они будут странствовать по местам, где я побывал; для удовольствия тех, кто

ищет приятности в чтении о неведомых вещах, а также в поддержку нашего города, если в будущем ему понадобится послать кого-либо в те страны.

Итак, я намерен разделить свое повествование на две части. В первой я расскажу о путешествии в Тану, во второй — о путешествии в Персию. Однако ни в той, ни в другой я не буду говорить — за, редким исключением — ни о трудностях, ни об опасностях или неудобствах, с которыми мне приходилось встречаться.

§ 4. В 1436 году я предпринял свое путешествие в Тану, где год за годом и оставался в течение целых шестнадцати лет. Я объездил те области, как по морю, так и по суше, старательно и с любопытством.

§ 5. Равнина Татарии[352] представляется человеку, стоящему посредине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль;[353] с запада и северо-запада — Польшу; с севера — Россию; с юга, там, где земли обращены к Великому морю,[354] — Аланию, Куманию, Газарию;[355] последние страны все граничат с Забакским морем.[356] Итак, равнина эта лежит между названными пределами.

§ 6. Для того чтобы меня лучше поняли, я поведу рассказ, двигаясь вдоль Великого моря, частью по его побережью, частью же по более глубоко расположенным землям, вплоть до реки Эliche,[357] которая находится уже за Каффой,[358] примерно в сорока милях от нее. Перейдя эту реку, идут по направлению к Монкастро.[359] Там находится Данубий, река знаменитейшая.[360] О местах еще дальше отсюда я уже не скажу ничего, так как они хорошо знакомы.

§ 7. Название Алания[361] произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас».[362] Они — христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с [138] отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном-то из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад.

§ 8. В те времена, когда консулом в Тане был мессер Пьетро Ландо, приехал из Каира один человек по имени Гульбедин. Он рассказал, что в бытность свою в Каире слышал от какой-то женщины-татарки, что в одном из подобных курганов, называемом Контебе,[363] аланы спрятали большое сокровище. Эта самая женщина даже сообщила ему некоторые признаки как холма, так и местности. Гульбедин принялся раскапывать курган; он проделал несколько колодцев, то в одном месте, то в другом. Так он продолжал копать в течение двух лет, после чего умер. Люди пришли к заключению, что он только по неспособности не сумел отыскать тот клад.

§ 9. В связи с этим в 1437 году, в канун дня св. Екатерины,[364] в Тане собрались семеро из нас, купцов, в доме Бартоломео Россо, гражданина Венеции. Там были: Франко Корнарио, брат покойного Якобо Корнарио из банка; Катарин Контарини, который впоследствии торговал в Константинополе; Дзуан Барбариго, брат покойного Андреа из Кандии; Дзуан да Валле, который умер капитаном фусты[365] на озере Гарда; это он в 1428 году вместе с другими венецианцами отправился в Дербент, построил с разрешения местного правителя фусту и захватил несколько кораблей, пливших из Стравы,[366] что было поразительно, однако сейчас я прерву этот рассказ; Моизе Бон, сын Александра из Дзудекки;[367] Бартоломео Россо и я (вместе со св. Екатериной, которую я считаю за восьмую в нашем договоре и союзе).

Итак, повторяю, все мы — семеро купцов[368] — находились в доме вышеназванного Бартоломео Россо в канун дня св. Екатерины (причем трое из поименованных лиц уже бывали в этих местах до нас) и вели беседу об этом самом кладе. Наконец мы пришли к соглашению между собой и сделали запись, скрепленную клятвой (документ был написан рукой Катерина Контарини, а копия его и до настоящего времени хранится у меня), о том, что отправимся копать на той горе.

§ 10. Мы нашли сто двадцать человек, чтобы отвезти их вместе с нами на эту работу; каждому мы платили по меньшей мере три дуката[369] в месяц. Спустя восемь дней все мы семеро, вместе со ста двадцатью наемными работниками, выехали из Таны, забрав с собой одежду, продовольствие, оружие и инструменты; все это мы везли на санях[370] (подобно тому, как возят поклажу в России), двигаясь по льду, по реке. Мы добрались до нужного нам места уже на следующий день, потому что оно находится на самой реке и отстоит примерно на шестьдесят миль от Таны.

Курган имел в высоту пятьдесят футов, сверху он плоский. На плоскости находился другой курган, похожий на круглую [139] шапку с полями вокруг, так что два человека могли бы идти по ним один вплотную к другому. Этот второй курган был высотой в двенадцать футов. Нижний курган имел очертание круга, как будто его сделали по циркулю; диаметр его равен 80 футам.

Мы начали врезаться и копать на плоскости большего кургана, там, где начинается меньший курган. Мы имели намерение проникнуть внутрь снизу вверх, до самой верхушки, и хотели проделать широкий ход, идя в длину. В начале раскапывания почва была настолько твердой и промерзшей, что ни мотыгами, ни топорами мы не могли ее разбить; однако, едва углубившись, мы обнаружили мягкую землю. Поэтому в тот день мы хорошо потрудились. На следующее утро, возобновив работу, мы наткнулись на обледенелый грунт, еще более твердый, чем вначале, так что были принуждены оставить тогда

свое предприятие и возвратиться в Тану, но все же с намерением и твердой решимостью вернуться к делу весной.

§ 11. К концу марта мы и вернулись, опять с судами и лодками, привезли сто пятьдесят человек и принялись копать. За двадцать два дня мы сделали ход длиной приблизительно в шестьдесят футов, шириной в восемь и высотой в десять футов.

Теперь вы услышите о вещах весьма удивительных и, так сказать, невероятных.

Мы нашли все, как было предсказано. Поэтому мы еще больше уверовали в то, что нам говорилось, и настолько, что, в надежде отыскать сокровище, мы пустились таскать носилки усерднее, чем те люди, которым мы платили, и как раз я стал мастером по носилкам. Удивительное заключалось в том, что верхний слой был черен от травы, затем по всей поверхности лежал уголь.[371] Это, конечно, возможно, потому что, имея здесь же ивовые леса, легко было жечь ивняк по всему кургану. Ниже лежала зола на глубину одной пяди. Это также возможно, ввиду того, что рядом имеются заросли камыша: при его сжигании получалась зола. Ниже, на глубину еще одной пяди, лежала шелуха от проса. По поводу этого можно сказать, что здесь, когда ели просяную кашу, то сохраняли шелуху, чтобы положить ее на это место; однако я хотел бы знать, сколько надо было иметь проса, чтобы заполнить шелухой, да еще на глубину целой пяди, всю поверхность этого кургана? Еще ниже лежала рыба чешуя, а именно — чешуя морского окуня и других рыб, и также на глубину одной пяди. Конечно, можно было бы сказать, что в этой реке ловилось множество окуней и другой рыбы и их чешуи могло хватить, чтобы покрыть весь курган; однако я предоставляю сообразить самим читателям, насколько это возможно и правдоподобно. Сам я могу лишь удостовериться, что это сущая истина. В связи со сказанным я полагаю, что человек, приказавший устроить такую могилу, — его имя было Индиabu, — и желавший выполнить все многочисленные церемонии, которые соблюдались в те времена, должен [140] был заранее подумать о том, чтобы собрать и сложить на место все эти вещи.

Проделав раскоп и не найдя сокровища, мы решили провести еще два рва в глубь большого кургана, шириной и высотой в четыре фута; прокопав их, мы нашли белый и настолько плотный грунт, что сделали в нем ступеньки, по которым и таскали носилки. Углубившись почти на пять футов, мы нашли на этой глубине несколько глиняных сосудов; в некоторых была зола, в других уголь; некоторые были пусты, другие наполнены костями осетровых рыб. Нашли также пять-шесть бусин величиной с померанец; они были из обожженной глины, глазурованные, похожие на те, что изготавливаются в Марке и привешиваются к неводам. Еще нашли мы половину маленькой ручки от серебряного котелка; сверху на ней была змеиная головка.

Когда наступила святая неделя, принялся дуть восточный ветер с такой яростью, что поднимал землю и вырытые комья и камни и бросал их в лицо рабочим, так что сочилась кровь. По этой причине мы решили остановиться и не предпринимать более никаких попыток. Это было в понедельник после пасхи.[372]

§ 12. До сих пор это место называлось «Гульбединовыми ямами», а после наших раскопок оно стало называться — и именуется так до нынешнего дня — «Франкской ямой», потому что проделанная нами в течение немногих дней работа была настолько велика, что казалось — здесь за это короткое время действовало не меньше тысячи человек.

Никаких других достоверных сведений о том кладе мы больше не получали, но полагаем, что — если он там был на самом деле — причиной его сокрытия было следующее обстоятельство: когда предводитель аланов, уже упоминавшийся Индиабу, услышал, что татарский хан идет на него войной, он решил захоронить сокровище, но так, чтобы никто этого не заметил; поэтому он сделал вид, что готовится для себя могилу по местному обычаю, и приказал потайно положить туда сначала то, что он считал нужным, а потом насыпать этот курган.

§ 13. Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад.[373] Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея,[374] военачальника татарского хана, которого звали Сидахамет-хан.[375] Этот Едигей был отцом Науруза; о нем-то и пойдет теперь речь.

§ 14. В степях Татарии в 1438 г. правил хан по имени Улумахмет-хан,[376] что значит великий Магомет император. Правил он много лет. Когда со своей ордой, т. е. со своим народом,[377] он [141] находился в степях, лежащих в сторону России, а военачальником у него был этот Науруз,[378] сын Едигея, при котором Татария обратилась в магометанскую веру, возникло между Наурузом и его императором некоторое разногласие. Вследствие этого Науруз отделился от императора и ушел от него с тем войском, которое захотело за ним [Наурузом] следовать. Он направился к реке Ледиль, где стоял некий Кезимахмет,[379] что значит малый Магомет, происходивший из рода татарских императоров. Оба они объединили как свои замыслы, так и военные силы и решили вместе идти против того Улумахмета.

§ 15. Пройдя около Астрахани, они пришли в Таманские степи;[380] затем, обогнув Черкесию, они направились по пути к реке Дону[381] и к заливу Забакского моря;[382] и море и река Дон были покрыты льдом. Ввиду того,

что и народу было много и животных было немалое число, им пришлось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю солому и другую пищу, нужную для тех, которые шли сзади. Поэтому один головной отряд этого племени со стадами дошел до места, называемого Паластра,[383] а другой — до реки Дона в том месте, которое называется Бозагаз; это слово значит «серое дерево». Промежуток между этими местами составляет сто двадцать миль; на такое расстояние растянулся этот движущийся народ, хотя не все эти места были удобны для прохождения.

§ 16. За четыре месяца до прихода [татар] к Тане мы уже знали об этом; за месяц же до появления упомянутого царевича [Кезимахмета] начали приближаться к Тане отдельные сторожевые разъезды;[384] разъезд состоял из трех или четырех юношей на конях, причем каждый [всадник] имел еще одну лошадь на поводу.

Тех из них, которые заезжали в Тану, приглашали к консулу; им оказывался ласковый прием, и подносились подарки. На вопрос, куда они едут и что собираются делать, они говорили, что это все молодежь и что ездят они просто для своего удовольствия. Ни о чем другом не удавалось заставить их говорить. Они задерживались не более одного-двух часов и уезжали. Ежедневно повторялось одно и то же, кроме только того, что с каждым разом число их становилось несколько больше. Когда царевич приблизился к Тане на расстояние пяти-шести дней пути, они стали появляться в числе от двадцати пяти до пятидесяти человек, в полном вооружении; когда же он подошел еще ближе, они насчитывались уже сотнями.

§ 17. Наконец, царевич[385] прибыл и расположился около Таны на расстоянии выстрела из лука, в старой мечети. Консул немедленно решил отправить ему подарки и послал одну новенну ему, другую — его матери, третью — Наурузу, его военачальнику. Новенной называется дар, состоящий из девяти различных предметов, например шелковой ткани, scarлатового сукна и других [142] вещей, числом до девяти: таков обычай при подношениях правителям в этих областях.

Случилось, что именно я должен был отправиться с подарками; мы повезли ему хлеб, медовое вино, бузу — иначе пиво — и другие вещи, числом до девяти. Войдя в мечеть, мы застали царевича возлежащим на ковре и опирающимся на военачальника Науруза. Царевичу было года двадцать два, а Наурузу лет двадцать пять.

Поднеся ему все привезенные подарки, я препоручил [его защите] город вместе с населением, сказав, что оно пребывает в его власти. Он отвечал мне самой вежливой речью, но затем, глядя на нас, принялся хохотать и бить в ладони, говоря: «Посмотри, что это за город, где на троих людей приходится только три глаза!». Это было действительно так: Буран Тайяпъетра,[386] наш

переводчик, имел всего один глаз; некий Дзуан, грек, консульский жезлоносец, — также только один; и человек, который нес медовое вино, равным образом был одноглазый.

Получив от царевича разрешение удалиться, мы вернулись в город.

§ 18. Если бы кто-нибудь попал в эти места, ему могло бы показаться мало разумным, что упомянутые сторожевые отряды ездят группами по четыре, по десять, по двадцать и тридцать человек по этим равнинам, оставаясь вдали от своих людей на расстоянии добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути; и он мог бы спросить, чем же они питаются. Я отвечаю ему, что каждый из этих [наездников], когда он отделяется от своего народа, берет с собой набольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, — а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки, — то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее, с небольшим количеством воды, род питья; [387] этим они и обходятся.

Когда я спросил одного из них, что же едят они в степи, он тут же задал мне встречный вопрос: «А разве кто-нибудь умирает от того, что не ест?», — как будто бы говоря: «Иметь бы мне лишь столько, сколько нужно, чтобы слегка поддержать жизнь, а об остальном я не забочусь». Они ведь довольствуются травами, кореньями и всем, чем только возможно, лишь бы была у них соль. Если они не имеют соли, то рот их покрывается нарывами и гноится; от этого заболевания некоторые даже умирают; случается у них и понос.

§ 19. Но вернемся к тому, на чем мы остановились. После отъезда царевича начал подходить народ со стадами. Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волы, а позади них стада [143] мелкого скота.[388] Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня — насколько мог видеть глаз — со всех сторон степь была полна людьми и животными: одни проходили мимо, другие прибывали. И это были только головные отряды; отсюда легко представить себе, насколько значительна была численность [людей и животных] в середине [войска].

Мы все время стояли на стенах [389] (ворота мы держали запертыми) и к вечеру просто уставали смотреть.[390] Поперечник равнины, занятой массами этих людей и скота, равнялся 120 милям; все это походило на некую паганюю.

Это греческое слово, которое я впервые узнал, будучи в Морее,[391] на охоте у одного князька. Он привел с собой сто вилланов; каждый из них держал в руках дубину. Они были размещены на расстоянии десяти шагов один от другого и подвигались вперед, ударяя дубинами в землю и выкрикивая какие-то слова, чтобы заставить зверей выбежать [из лесу]. Охотники же, кто верхом,

а кто пеший, с птицами и собаками, расстанавливались по местам, где им заблагорассудится. Когда наступал подходящий момент, они бросали [в воздух] птиц и спускали собак.

§ 20. Среди другой дичи, которую этот народ [татары] гнал перед собой, были куропатки и еще один вид птиц, который у нас называют индейками:[392] у них короткий хвост, подобный куриному, а когда они стоят, то голову держат прямо, как петухи; по величине они почти равны павлинам, на которых похожи и своей окраской, но не хвостами.

Тана лежит среди многих земляных валов и рвов, тянувшихся на пространстве примерно десяти миль (там, где некогда была древняя Тана),[393] и большое количество птиц обычно скрывается в этих заброшенных валах и рвах. Одним словом, вокруг стен Таны и внутри рвов было столько куропаток и дроф, что все эти места казались [птичьими] дворами каких-нибудь добрых фермеров. Местные мальчишки ловили этих птиц и продавали их по аспру[394] за пару, что по-нашему равно восьми багатидам[395] за одну птицу.

В то время жил в Тане некий брат Термо, францисканец. При помощи сети он устроил из двух обручей один большой обруч и укрепил в земле за городской стеной изогнутый кол. Таким образом, он ловил от десяти до двадцати птиц сразу. От их продажи он набрал столько денег, что купил на них черкесского мальчика, которому дал прозвище «Куропатка» и сделал его монахом. Кроме того, если в городе ночью оставляли окна открытыми, а внутри был свет, то иногда птицы влетали даже в дома.

Что же касается оленей и других диких животных, то можно представить себе, сколь много их было, но они не подходили близко к Тане, оставаясь на равнине, где обитали татары.

§ 21. Если попытаться установить приблизительно общую численность [татар, пришедших тогда к Тане], то окажется, что [144] их было весьма много. Так, в одном только месте, называемом Бозагаз,[396] где была одна моя тоня [произошло следующее]. После того как сошел лед, я отправился туда на лодке, а это место расположено примерно в сорока милях от Таны. Тамошние рыбаки рассказали, что за зиму они наловили и засолили много морены и заготовили много икры; когда же этот народ частично побывал там, то оказалось, что взята вся рыба — как соленая, так и несоленая (там были и такие сорта, которые у нас не употребляются в пищу), вплоть до голов, и похищена вся икра, и начисто забрана вся соль (она здесь крупная, как соль с Ивисы)[397] — до того, что, ко всеобщему удивлению, не осталось на месте ни крупинцы. Они унесли доски от бочек, вероятно для того, чтобы приспособить их к своим телегам. Они разломали три мельницы для размола соли, так как в них внутри имелись железные стерженьки, которые они взяли.

То же самое, что причинили мне, постигло решительно всех, даже Дзуана да Балле, который, как и я, имел тоню. Узнав, что приближается тот самый царевич, он велел вырыть большую яму и сложить туда до тридцати тачек икры; затем приказал забросать яму землей, а сверху — чтобы не было заметно — поджечь дрова. Однако они [татары] обнаружили маскировку и не оставили ему ровно ничего.

§ 22. У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, повыше наших. Они устланы [сверху] камышовыми циновками и покрыты одни войлоком, другие сукнами, если принадлежат именитым людям. На некоторых повозках помещаются дома, которые они строят следующим образом: берут деревянный обруч, диаметром в полтора шага, и на нем устанавливают несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилают камышовыми циновками, которые покрывают либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от достатка. Когда они хотят остановиться на привал, они снимают эти дома с повозок и живут в них.[398]

§ 23. Спустя два дня после того, как царевич удалился, явились ко мне несколько жителей Таны и сказали, чтобы я шел на стену, что там какой-то татарин желает говорить со мной. Я отправился туда, и он сообщил мне, что тут поблизости находится некто Эдельмуг, родственник царевича, и что он — если это будет мне угодно — охотно вошел бы в город и стал бы моим кунаком,[399] иначе — гостем. Я спросил разрешения на это у консула и, получив его, пошел к воротам и провел его внутрь вместе с троими его спутниками [ворота все еще держали на запоре]. Я привел его к себе в дом и всячески оказал ему честь, особенно вином, которое ему очень понравилось. Одним словом, он пробыл у меня два дня. Собираясь уходить, он сказал, что желал бы, чтобы я отправился вместе с ним, что он стал моим братом и что везде, где он будет рядом, я смогу путешествовать в полной [145] безопасности. Он сказал еще кое-что об этом купцам, из которых не было ни одного, кто бы не подивился его словам.

Я же решил пойти с ним и взял двоих татар из местных городских; они пошли пешком, а я — верхом на лошади. Мы выехали из города в три часа дня; он был мертвецки пьян,[400] потому что пил до того, что кровь хлынула у него из носа. Когда я говорил ему, чтобы он так не напивался, он делал какие-то обезьяньи жесты, приговаривая: «Дай же мне напиться, где я еще смогу это добыть!».

Когда мы спустились на лед, чтобы перейти реку, то я старался ехать там, где лежал снег, но он, одолеваемый вином, ехал туда, куда шла его лошадь, и попал на место без снега. Там его лошадь не могла устоять на ногах, так как их лошади не имеют подков, и упала; он принялся хлестать ее плетью (ведь они не носят шпор), и лошадь то поднималась, то снова падала. Вся эта штука длилась, быть может, до трети часа. Наконец мы переправились через реку,

подъехали к следующему руслу и перешли его также с огромными затруднениями, все по той же причине. Он до того устал, что обратился к каким-то людям, которые уже остановились здесь на отдых, и тут-то мы приютились на ночь среди всевозможных неудобств, как легко себе представить.

На следующее утро мы вновь пустились в путь, однако уже без той удали, какую проявили накануне. Перейдя еще одно русло реки, мы следовали все время по той дороге, по которой двигался народ, а он напоминал настоящих муравьев. Проскакав еще два дня, мы подошли к месту, где находился царевич. Здесь [Эдельмугу] было оказано всеми много почета; ему дали всего, что только там было: и мяса, и хлеба, и молока, и много других вещей, так что у нас ни в чем не было недостатка.

§ 24. На другой день — так как мне хотелось посмотреть верховую езду этого народа и каких обычаев они придерживаются в своем быту — я увидел столько поразительных вещей, что, полагаю, получился бы целый большой том, если бы я захотел и сумел, шаг за шагом, описать [все виденное].

Мы отправились к ставке царевича, которого нашли под шатром и в окружении бесчисленных людей. Те, которые стремились получить аудиенцию,[401] стояли на коленях, каждый в отдалении от другого; свое оружие они складывали вдалеке от царевича, на расстоянии брошенного камня. Каждому, к кому царевич обращался со словами, спрашивая, чего он хочет, он неизменно делал знак рукой, чтобы тот поднялся. Тогда [проситель] вставал с колен и продвигался вперед, однако на расстояние не менее восьми шагов от царевича, и снова падал на колени и просил о том, чего хотел. Так продолжалось все время, пока длился прием.

§ 25. Суд происходит во всем лагере, в любом месте и без всякой подготовки. Поступают таким образом. [146] Когда кто-то затевает с другим ссору, причем оба обмениваются бранными словами (однако не совсем так, как это бывает у нас, а без особенной оскорбительности), то оба, — а если их было больше, то все, — поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, и затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: «Вы будете свидетелями!». Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю, если же какая-либо распря случится в походе, то они соблюдают то же самое, приглашая быть судьей всякого встречного и заставляя его судить.

§ 26. Однажды, находясь в орде,[402] я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я подошел и, подняв ее, обнаружил, что под ней было вареное просо. Я обратился к одному татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено «hibuth peres», т. е. язычниками. Я спросил: «А разве есть язычники среди этого народа?». Он же ответил: «Хо, хо! их много, но они скрываются».[403]

§ 27. Начну с численности этого народа и скажу [о ней] предположительно — потому что пересчитать его нет возможности, — приводя [цифру] ни больше, ни меньше, чем я думаю. Я уверен и твердо этого держусь, что их было триста тысяч душ во всей орде, когда она собрана воедино. Делаю такое замечание потому, что частью орды[404] владел Улумахумет, как я уже сказал выше.

§ 28. Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «талубагатер», что значит безумный храбрец.[405] Такое прозвище рождается в народе, подобно тому как у нас «мудрый» или же «красивый», отчего и говорят — Петр такой-то, по прозвищу «Мудрец», или Павел такой-то, по прозвищу «Красавец». Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов. Прозвище их кажется мне весьма подходящим, потому что я не представляю себе отважного человека, который не был бы безумцем. Разве, по-вашему, это не безумство, когда один отваживается биться против четверых? [147] Разве не сумасшествие, когда кто-нибудь с одним ножом готов сражаться с многими, да еще вооруженными саблями?

§ 29. По этому поводу расскажу, что однажды случилось при мне, когда я был в Тане. Стоял я как-то на площади; пришли в город татары и сообщили, что в роще, мили за три отсюда, спрятались черкесы-наездники, числом около сотни, которые задумали совершить набег под самый город, как это было у них в обычае. Я сидел в лавке мастера по выделке стрел; там же был еще один купец-татарин, пришедший туда с цитварным семенем.[406] Узнав о черкесах, он встал и сказал: «Почему бы нам не отправиться захватить их? сколько там этих всадников?». Я ответил ему: «Сто человек». — «Вот и хорошо», — сказал он, — «нас пятеро, а у вас сколько найдется всадников?». Я ответил: «Сорок». А он сказал: «Черкесы не мужчины, а бабы. Идем, схватим их!». Услышав все это, я пошел искать мессера Франческо и рассказал ему об этих речах, он же со смехом спросил меня, хватит ли у меня духу пуститься туда. Я ответил, что хватит.

И вот мы сели на лошадей, приказали нашим людям прибыть по воде и к полудню налетели на этих черкесов. Они стояли в тени, некоторые из них спали, но, к несчастью, случилось так, что немного раньше, чем мы достигли их, наш трубач затрубил. Поэтому многие успели бежать; тем не менее и убитыми, и пленными нам досталось около 40 человек. Но вся красота этого дела относится к тому, что говорилось о «безумных храбрецах». Тот татарин, который предлагал ехать хватать черкесов, не удовольствовался добычей, но в одиночку бросился в погоню за беглецами, хотя мы все кричали ему: «Ты же не вернешься, никогда ты не вернешься!». Он возвратился спустя почти целый час и, присоединившись к нам, жаловался, говоря: «Горе мне, не смог я поймать ни одного!» — и сильно сокрушался. Судите сами, каково было его безумство, — ведь если бы хоть четверо из черкесов обернулись против него, они изрубили бы его на мелкие куски. Более того, когда мы упрекали его, он все обращал в шутку.

§ 30. Сторожевые отряды (я говорил о них выше),[407] которые подходили к Тане раньше, чем пришло все войско, двигались впереди него по восьми разным направлениям, чтобы со всех сторон разузнавать о возможной опасности, находясь в отдалении от него на много дней пути и действуя соответственно его нуждам.

Лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары,[408] оставляя широкие дороги. Если это происходит зимой, то от множества ног животных образуется величайшая грязь; если же летом, то величайшая пыль. Тут же, немедленно после того, как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и готовят свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени.

В их войске есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла [148]

Если бы ты спросил меня: «Они, значит, бродят, как цыгане?»[409] — я отвечу отрицательно, так как — за исключением того, что их станы не окружены стенами, — они представляются [нам] огромнейшими и красивейшими городами.[410] В связи с этим [скажу следующее]: однажды, когда я находился в Тане, где над воротами была очень красивая башня, около меня стоял один купец-татарин, рассматривавший эту башню; я спросил его: «Не кажется ли тебе эта вещь замечательной?». Он же, взглянув на меня и усмехнувшись, сказал: «Ба! кто боится, тот и строит башни!». В этом, мне думается, он был прав.

§ 31. Упомянув о купцах, но, возвращаясь к нашему предмету, а именно к татарскому войску, скажу, что при нем всегда находятся купцы;[411] одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны.

§ 32. Татары прекрасные охотники с соколами, и у них много кречетов; они ловят птиц на репейник[412] (что у нас не применяется), ходят на оленей и на другого крупного зверя. Кречетов они носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь [эти птицы] вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку. Временами над их войском проносится стая гусей; тогда люди из лагеря пускают стрелы толщиной в палец, изогнутые и без оперения. Стрелы летят прямо, затем повертываются и летят наперерез птицам, раздробляя — когда достигнут их — то шею, то ноги, то крылья. Иногда кажется, что этими гусями полон воздух; от крика людей они, оглушенные, пугаются и падают на землю.

§ 33. Расскажу, раз уж мы заговорили о птицах, об одном случае, который показался мне примечательным. Проезжая верхом по орде, я оказался на берегу маленькой речки, где повстречал одного человека, знатного, судя по его виду. Он стоял и разговаривал со своими слугами, затем окликнул меня, предложив сойти с лошади и приблизиться к нему, и стал спрашивать, по какому делу я еду. Я ответил, что еду по своей надобности, и, обернувшись, увидел около него четыре или пять кустов ворсянки; на них сидело несколько щеглов. Он велел одному из слуг поймать щегла; тот взял два конских волоса, сделал силок, накинул его на ворсянку и, поймав одну птицу, поднес ее своему господину. Тот сказал ему: «Пооди, зажарь это». Слуга быстро ошипал [щегла], сделал деревянный вертел, зажарил [птицу] и поднес [хозяину], который взял ее и, поглядев на меня, промолвил: «Мы не в таком месте, где я мог бы оказать тебе честь и [проявить] обходительность, которых ты заслуживаешь, но удовольствуемся тем, что я имею, и что даровал мне господь бог». Тут он разодрал щегла на три части: из них одну дал мне, другую съел сам, а третью, совсем крошечную, отдал тому, кто поймал птицу. [149]

§ 34. Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде?[413] Поверят ли мне? Это как угодно, но я все же решусь сказать, сколько их там.

Начну с лошадей. Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. В одном караване, пришедшем в Персию еще до того, как я оттуда уехал, их было четыре тысячи голов.[414] Не удивляйтесь этому: действительно, если бы вы пожелали за один день купить в орде сразу тысячу или даже две тысячи лошадей, вы нашли бы их там, потому что лошади ходят табунами, как скот. Обычно отправляются в табун и говорят продавцу, что желательно достать сотню таких-то коней. У него есть дубинка с арканом на верхнем конце, и он настолько привычен к своему делу, что едва лишь покупатель укажет ему — «слови, мол, мне этого коня или слови того», — как он уже накинул петлю коню на голову, вытащил его из среды других и поставил в стороне. Таким способом он вылавливает столько коней, сколько требуется покупателю, и тех именно, каких тот желает.

Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей.

Но вот что удивительно: страна эта не производит очень породистых лошадей; они низкорослы, с большим брюхом и не едят овса. Когда их гонят в Персию, то наибольшее достоинство, которое можно за ними признать, состоит в том, что они едят овес, потому что если бы они его не ели, то не могли бы, в случае надобности, переносить усталость.

Второй вид животных, которых имеет этот народ, — прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того — в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. В тех местах [в степях] быки носят поклажу и вьюки, когда это требуется.

Третий вид животных, которых держит этот народ, — высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого. Верблюды с востока имеют один горб и малы ростом; их продают по десять дукатов за каждого.

Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, — огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту.

§ 35. Не знаю, кто, кроме очевидца, мог бы рассказать о том, о чем я сейчас сообщу.[415] Ведь вы могли бы спросить: «Чем же питается такое количество народа, если он находится в пути [150] целыми днями? Откуда берется хлеб, который они едят? Где они находят его?». Я, сам видевший все это, так отвечу вам.

Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, приготавливаются и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми — или же с частью семьи — направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посева — сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих людей] больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят — причем она высотой равна падуанской пшенице, — а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи.

§ 36. Расскажу здесь кстати и о следующем. Был тут сын одного из сыновей Улумахумета; он правил несколько лет и все опасался, как бы один его двоюродный брат, находившийся по ту сторону реки Ледиль, не лишил его той части его народа,[416] которая обычно уходила туда на посева и потому подвергалась особенной опасности. Одиннадцать лет подряд не разрешал он сеять, и в течение этого времени все они питались только мясом, молоком и подобными вещами; на базаре все же бывало немного муки и проса, но по дорогой цене.[417] Когда я их спрашивал, как же они обходятся, они лишь усмехались, говоря, что у них есть мясо. Тем не менее, упомянутый [царевич] был все же изгнан этим своим двоюродным братом.

В конце концов Улумахамет (о котором мы говорили выше),[418] — после того как в пределы его владений пришел Кезимахумет, — видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми. А Кезимахумет объявил себя ханом всего того народа.[419]

§ 37. Он пришел к Дону в июне месяце и переправлялся через реку в течение почти двух дней со своим многочисленным [151] народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом. Поверить этому удивительно, но еще более удивительно самому видеть это! Они переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле. Способ переправы таков: начальники посылают своих людей вперед и приказывают им сделать плоты из сухого леса, которого очень много вдоль рек. Затем им велят делать связки из камыша, которые прилаживают под плоты и под телеги. Таким образом, они и переправляются, причем лошади плывут, таща за собой эти плоты и телеги, а обнаженные люди помогают лошадям.[420]

Спустя месяц [после виденной мною переправы] я отправился по реке на тони и встретил такое количество брошенных плотов и фашин, которые плыли по течению, что мы едва смогли пробиться. По берегам в этих местах я видел, кроме того, также огромное множество плотов и фашин и был просто поражен.

Когда мы прибыли на тони, то обнаружили, что здесь был нанесен вред гораздо больший, чем тот, о котором я уже писал выше.[421]

§ 38. Тогда же (приведу этот случай, чтобы не забывать о своих друзьях) родич хана, Эдельмуг, вернувшийся для переправы через реку (о чем я рассказал выше), приехал в Тану. Он привел ко мне одного из своих сыновей и, бросившись меня обнимать, сказал: «Я привез тебе моего сына и хочу, чтобы он стал твоим». Тут же он стащил со спины этого сына кафтан и надел его на меня.[422] Кроме того, он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: «Это часть добычи, которую я забрал в России».[423] Он прожил у меня два дня и в свою очередь получил от меня соответствующие подарки.

§ 39. Бывают иногда люди, которые, расставаясь с другими и не предполагая возвращаться в те края, легко забывают о дружбе, думая, что больше никогда уже не увидятся. Отсюда происходит то, что часто они поступают не так, как должны были бы поступать. Они, конечно, делают неправильно; ведь есть поговорка, что гора с горой не сходится, а человек с человеком сойтись может.

Случилось так, что при возвращении моем из Персии вместе с послом Ассамбека я хотел проехать через Татарию и через Польшу и таким образом попасть в Венецию. Впоследствии я не проделал этого пути. Тогда в нашей компании было много купцов из татар. Я спросил их, что случилось с Эдельмугом, и они сказали мне, что он умер и оставил сына по имени Ахмет. При этом они описали признаки его лица, так что и по имени, и по внешним чертам я узнал в нем именно того человека, которого его отец когда-то отдал мне в сыновья. Как говорили те татары, он занимал высокое положение при хане, и, если бы мы проезжали тем путем, мы без сомнения попали бы в его руки. Я уверен, что имел бы у него наилучший прием, потому что сам всегда хорошо принимал и его отца, и его самого. А кто подумал бы, что спустя [152] тридцать пять лет,[424] при крайней отдаленности друг от друга обеих стран, встретятся татарин с венецианцем?

§ 40. Я добавлю к этому еще один рассказ (хотя событие относится к другому времени), потому что он касается того же, о чем я только что говорил. В 1455 г., будучи на складе одного виноторговца на Риальто и расхаживая по помещению, я вдруг заметил за бочками, в конце склада, двух закованных в цепи людей. По внешнему виду я узнал в них татар[425] и спросил, кто они такие. Они ответили мне, что были в рабстве у каталонцев, что потом бежали на лодке, но в море были захвачены здешним купцом. Тогда я сразу же пошел к начальникам ночной стражи[426] и подал им жалобу по поводу этого дела. Те немедленно прислали несколько служащих, которые привели татар в контору и в присутствии того купца их освободили, а его осудили.

Я взял этих татар, привел их к себе в дом и расспросил, кто они такие и из какой страны. Один из них сказал, что он из Таны и что был слугой Коцадахута. Последнего я когда-то знал, потому что он был коммеркиарием[427] хана, который через него сдирал пошлину с товаров, ввозимых в Тану. Вглядевшись в лицо татарина, я как будто узнал его, потому что он много раз бывал в моем доме. Тогда я спросил, как его зовут, и он сказал мне, что его имя Кебекчи, что на нашем языке означает «отделяющий отруби, высевки» или же «просеивающий муку». Я посмотрел на него и сказал: «А меня-то ты узнаешь?». Он ответил: «Нет». Но лишь только я упомянул о Тане и об Юсуфе (так меня называли в тех краях), как он бросился к моим ногам и хотел их облобызать, говоря: «Ты дважды спас мне жизнь, один раз теперь, потому что, оказавшись в рабстве, я считал себя умершим; в другой же раз, когда горела Тана; ты тогда пробил пролом в стене, через который выбралось наружу много людей и в их числе мой хозяин и я». Это действительно так и было. Когда случился в Тане тот пожар, я сделал пробоину в стене против одного пустыря, где скопилось много народу; через пролом вышло наружу до сорока человек и между ними этот самый татарин и Коцадахут.

Я продержал обоих [татар] у себя в доме почти два месяца, а когда отплывали корабли в Тану, я отправил их домой.

Итак, расставаясь с кем-либо в предположении никогда больше не возвращаться в те края, никто не должен забывать о дружбе, как будто никогда уже не придется свидеться. Может случиться тысяча вещей так, что снова придется повстречаться и, быть может, тот, кто более силен, будет нуждаться в том, кто менее силен.

§ 41. Возвращаясь к рассказу о Тане, я пройду по западному побережью, следуя вдоль Забакского моря, а после выхода из него поверну налево; затем пройду немного по Великому морю вплоть до провинции, называемой Мингрелия. [153]

Источник: <https://history.wikireading.ru/374061>